

WARHAMMER

DAWN OF WAR

BLOOD RAVENS

THE DAWN OF WAR OMNIBUS

C S GOTO

Испытания Усадора

Переплет книги слабо поблескивал под
взглядом Габриэля, мерцая и грожа в
тусклом свете

маленького библиариума, который
капитан зарезервировал для личного
пользования. Затейливая

резьба покрывала необычный материал
обложки; казалось, она постоянно выпадала
из фокуса, словно

тонкость деталей была слишком сложной
даже для улучшенного зрения Габриэля.

Книга

одновременно притягивала и
отталкивала.

-- Где ты ее нашел, Пратиос? -- спросил он,
не отрывая взгляда от искусно
выполненного

посеребренного изображения крыльев
ворона.

-- Он оставил ее на мое попечение,
капитан, -- ответил капеллан.

Его голос был глубоким и исполненным
заботы, словно теплый свет, льющийся из

подвешенной над

столом светосферы. На миг Пратиос захотелось покинуть тень и положить руку на плечо Габриэля. Тот

выглядел напряженно и мрачно, сидя в одиночестве перед тяжелым толом. Капеллан беспокоился за

капитана, чей друг и брат незаметно пал прямо у него на глазах.

-- Он дал ее тебе? -- вновь спросил Габриэль.

Словно подчеркивая свое недоверие, он слегка повернул голову, но не достаточно, чтобы Пратиос мог увидеть его лицо.

Капеллан тщательно взвесил свои слова:

-- Он доверил ее мне.

Воцарилось долгое молчание, прежде чем Габриэль вновь повернулся к книге, с грустью рассматривая ее удивительную обложку.

-- И ты доверяешь ее мне, Пратиос? Что ты хочешь, чтобы я с ней сделал?

-- Ты наш капитан, Габриэль, и командор дозора. Это тебе решать. -- В словах капеллана звучал

невысказанный упрек, с которым Габриэль вынужден был согласиться.

-- Он был моим другом, Пратиос... -- Начал Габриэль, позволяя словам нарушить задумчивое молчание.

-- Когда-то мы вместе сражались в Испытаниях Крови на Кирене. Ты, должно быть, помнишь это? В

конце мы стояли плечом к плечу, как и в бесчисленных битвах после, каждый из нас держал судьбу

другого в своих руках. Мы доверяли друг другу с самого начала, Пратиос. Я не хочу снова...

Пратиос взглянул на скрытый коротко остриженными волосами исчерченный шрамами затылок своего

капитана. Не впервые он поймал себя на мысли, что Габриэль выглядит старше своего возраста, словно

изматывающая ответственность его

должности и груз пережитого победили
даже знаменитое

долголетие Кровавых Воронов.

Капеллан хорошо помнил те судьбоносные
Испытания Крови -- он тоже на них
присутствовал. Именно

он надзирал тогда за яростной борьбой и
кровопролитием. Он видел, как
окровавленные Габриэль и

Усадор один за другим вышли
победителями из боя. Он видел, как они
инстинктивно держались

вместе, ни разу не обратив свой
ужасающий гнев друг на друга, несмотря
даже на четкие правила

испытаний. Ради взаимного уважения и
доверия, они оба рисковали потерпеть
поражение. И это было

одной из причин, по которой они оба
преуспели -- непоколебимая решимость и
врожденное чувство

братства были не менее важны, чем
умение сражаться.

Кровавые Вороны могли вырастить

костического десантника даже из слабого
телом, конечно если

кандидат был генетически совместим с
геносеменем органа, но и от здорового
тела не будет проку,

если воля его хозяина окажется слаба или
подорвана. Более того, слабая воля может
стать

предвестником предательства -- и без
того уже слишком многие десантники
пали в проклятую бездну
ереси.

Именно их моментальное и глубокое
братство сделало падение Усадора столь
болезненным и личным

для Габриэля, но, в конце концов, именно
Нратиос был тем, кто позволил им обоим
вступить в ранг

неофитов. Именно Нратиос закрыл глаза
на правила Испытаний, которые
требовали от каждого воина

нести ответственность только за себя.
Он мог заставить их сражаться друг
против друга, пока не

останется только один, но Пратиос видел
решилось в сине-зеленых глазах Габриэля
и знал, что тот не

обернется против своего
новоприобретенного брата по оружию.

Именно Пратиос поставил свою мудрость
выше традиций Кровавых Воронов и, в
какой-то мере,

именно по его ходатайству третья рота
Кровавых Воронов негласно разрешила на
своих Испытаниях

Крови сражаться в команде. Эффектное
возвышение Габриэля и Усагора до
ключевых должностей в

роме послужило достаточным
доказательством мудрости этого
решения. Пратиос льстил себе,

размышляя, что эта практика сделала
третью роту более человеческой, чем
некоторые другие ордена,

равно как и остальные роты Кровавых
Воронов. Кроме того, не было секретом,
что орден нуждался во

все большем количестве неофитов, так

как его численность начала падать.
Набирать по всего одному
воину после каждого Испытания больше не
казалось такой уж хорошей идеей: новые
обстоятельства
требовали изменить подход. Теперь же,
впервые за многие десятилетия, Пратиос
осознал, что

сомневается как именно ему стоит
провести Испытания Крови, когда
«Литания Ярости» прибывает на
Тронцикус III и затем на Лорн V.
Возможно, в конечном итоге, костические
десантники и не должны
быть людьми?

-- Никто из нас не хочет, Габриэль, --
наконец произнес Пратиос, -- но мы все
должны исполнять свой
долг.

-- Хочешь, чтобы я прочел ее? -- Спросил
Габриэль. -- Или хочешь, чтобы я передал
ее магистрат

органа? А может, предпочтешь, чтобы я
отправил ее напрямую в Орго Еретикус?

Разве не это мой
долг?

Порция яда в словах Габриэля заставила
Нратиоса улыбнуться. Он знал, что долг и
обязанности не
всегда совпадали, и что первый нередко
делал вторые нестерпимыми.

— Не мне судить, капитан, — честно
ответил Нратиос. — Я должен следить за
твоим духовным

благополучием и, следовательно, могу
только посоветовать сделать, как того
требуют твои обязанности

и как диктует долг. Библиарий Усагор
Акиос был заметной фигурой в третьей
роте Кровавых Воронов.

Он был членом Ордо Псайкана, он был
ценной частью твоей командной
структуры, могучим воином,

боевым братом и... И он был нашим
другом, Габриэль.

Габриэль кивнул, стирившись — он знал,
что не может требовать от капеллана
принимать за себя

решения, эта ответственность, как и в
бесчисленном количестве сложных
вопросов ранее, лежала на

нем. Помимо долга перед Императором и
своим орденом, он нес ответственность за
уничтожение

собственной родины. Это был его долг,
нести на себе подобное бремя, чего бы это
ему не стоило. Уже

не в первый раз, ему захотелось, чтобы
длительный и болезненный процесс
превращения в Кровавого

Ворона мог вырвать с корнем всю его
человечность и оставить только чувство
долга. Он слышал слухи,

что в некоторых орденах костлического
гесанта так и происходило. Но он также
знал, что эмоции дают

ему знания, которые никогда не достигнут
простыми вычислениями и чувством долга
-- интуитивное

знание все еще знание, если уметь им
воспользоваться. А знание -- сила.

-- Знание -- сила, -- пробормотал Габриэль,

пробежав пальцами по металлической обложке лежащей перед ним книги.

-- Защищай его, -- нараспев произнес Нратиос, автоматически завершив девиз Кровавых Воронов.

-- Да, -- произнес Габриэль, внезапно осознав частное, для данного случая, значение этой давно

заученной максимы. -- Знание -- сила, защищай его.

С новоприобретенной решимостью он открыл дневник Усагора на последней странице и увидел

характерный изящный и вычурный почерк своего старого друга. Даже в своем личном дневнике

бывший библиарий придерживался безукоризненного порядка записей, которого требовал от всех

Кровавых Воронов -- когда знание суть сила, любая мелкая деталь должна быть записана, чтобы

важная информация не оказалась

потерянна из-за небрежности.

Габриэль кивнул, узнавая усердие своего бывшего друга, но, начав читать, отпрянул в шоке.

Глупец Габриэль понятия не имеет что происходит на этой благословенной планете. Он думает,

что следует опасаться надвигающегося шторма и что найденный нами артефакт должен быть

уничтожен. Слепец. Чего нам будет стоить его глупость? Как далеко я могу позволить этому

зайти?

Даже если другие не могут, я вижу танию в его глазах и знаю секреты голосов, которые он

скрывает от нас, тех голосов, что поют в его душе под маской божественного хора. Ему не скрыть

от меня их серебряных голосов. Я тоже их слышу, но знаю их природу и знаю, что Император не

благословлял их. В этом и состоит

разница между мной и моим старым другом: я вижу разницу

между ложью и правдой, моя душа была закалена и проверена тайными огнями великого

Библиариум Санкторум; и все же нагменный, невежественный капитан ведет нашу роту к ошибкам и скудоумию.

Великий Отец возрыдал бы от глупости своих сынов -- насколько удалились от его заветов дети

Видьи? Неужели Кровавые Вороны регрессировали настолько, что больше не видят мудрости в

том, чтобы библиариум направляли их? Разве пример Видьи ничего не значит? Почему Габриэль

столь настойчиво игнорирует меня? Неужели он действительно думает что лучше? Да его бы

здесь даже не было, если бы не я -- он не мог собрать вместе части татарусской головоломки. Но

правде говоря, он утер бы еще на Кирене с
остальными кандидатами десятилетия
назад. Я

слишком долго заботился о нем, и теперь
он даже не замечает, что я это делаю.

Если Габриэлю не хватает ни
проницательности, ни воли, чтобы
использовать силу Маледиктума

на благо Кровавых Воронов и Императора,
значит, я сделаю это сам. Пришло время
выйти из

проклятой тени сбитого с толку
капитана. Его судьба уже предрешена
моими донесениями в орган

Потерянной Розетты -- они позаботятся
чтобы Третьей руке вскоре понадобился
новый

командир, и я докажу Кровавым Воронам,
что эту должность вновь должен занять
тумный

библиарий. Кровавые Вороны восстановят
заветы Азари и Вуды, даже если нам
придется

заплатить кровавую цену за свое

очищение... и Габриэлю хорошо известна эта цена.

Габриэль оттолкнул книгу, не в силах больше читать. Его лицо побелело, а глаза горели, словно в них

плеснули кислотой. Из тени позади него Пратиос выгел как напряглись плечи и вздулись мускулы на спине капитана.

Книга скользнула по полированной столешнице, но затерла за тиз до пагения, колеблясь на краю

стола. Она слезка вращалась, словно настехаясь над нити.

-- Ты читал это, Пратиос? -- голос Габриэля выдал колебания в его душе.

Ему ответило молчание.

-- Ты не ответил, -- равкнул Габриэль, впервые развернувшись лицом к капеллану.

-- Ты читал это,

капеллан Пратиос?

Впервые с тех пор как они встретились на Кирене, Габриэль увидел тень сомнения на лице капеллана.

Послеговала еще одна пауза, но, в конце концов, к Пратиосу вернулась речь.

-- Да, капитан. Я прочел часть записей.

Достаточно и все же не совсем...

Достаточно чтобы рассудить,

что ты должен первым ознакомиться с ней, до того как она попадет на глаза кому-либо еще, Габриэль.

Это щекотливый документ, старый друг.

Взирающие сквозь тьму глаза Габриэля пылали, словно горящие изумруды, жутковато колеблясь

между зеленым и голубым цветом. На секунду Пратиосу показалось, что в них скрывается что-то

чуждое, Габриэль, которого он никогда не знал, тающийся в тайных глубинах его сердца.

Моргнув, после чего глаза вернулись к нормальному состоянию, Габриэль развернулся обратно к столу

и потянулся за книгой. Он положил ее перед собой и с силой распахнул, позволив страницам

произвольно раскрыться в начале толпа.

Я наблюдал за ним более сотни лет. Он всегда возносил молитвы Императору в надлежащее время,

покорно и с твердой решимостью. Но что-то в его обрядах необъяснимо изменилось после Кирены --

постепенно стало невозможно отрицать, что небольшие изменения стали значительными. Я

раздумываю, должен ли я сам что-то предпринять по этому поводу или же обратиться к капеллану

Пратиосу.

Этим утром, когда «Литания Ярости» вошла в систему Тартарус, я нашел Габриэля в часовне,

преклонившим колени в молитве. Мы уже обнаружили останки орочьих судов на границе

видимости, и капитан должен был находиться на командной палубе. Я обнаружил его без брони и,

по всей видимости, прикованным к месту.

Он словно не слышал меня, когда я позвал его по имени.

Это не редкое явление среди особо набожных десантников, но когда я начал упорствовать, его

реакция была яростной. Словно одержимый какими-то примитивными инстинктами, он схватил

меня за горло, прежде чем я успел нанести ответный удар и вернуть его в сознание. Глядя на его

стянутое и ступенное выражение лица, я заметил, как по нему пробежала кровавая слеза -- словно

рубин, вправленный в изображение символа Кровавого Ворона. Уже не впервые меня насторожило

то, как его глаза терцали, меняя цвет от зеленого к голубому.

На миг я забыл, что он не библиарий, раньше подобные душевные сдвиги я встречал только у

некоторых новопосвященных Библиариум Санкторум. Но Габриэль никогда не

ступал по его

священным залат. Он никогда не считался
достойным этого гордого призвания. Даже
Нратиос не

считал его способным выдержать долгие,
исполненные ментальных мук, годы.
Теперь я начал

сомневаться в том, смог ли он выдержать
груз своего долга, исполненного на Кирене.

Он сильно изменился. Его набожность
начала граничить с манией. Я должен
обратиться за

наставлением к капеллану, прежде чем
кампания на Тартарусе по-настоящему
развернется.

Габриэль провел руками по коротко
остриженным волосам, не отрывая взгляда
от безукоризненных

строк перед собой. Наверное впервые, он
осознал потенциальную угрозу почти
фанатичного

стремления библиариев Кровавых Воронов
все записывать. В прошлом он
расспрашивал Усагора о

методиках документирования
Библиариума, но его старый друг всегда
возражал, борюча что-то о
необходимой ступени знаний, отдельно
отмечая, что капитану костического
десанта не положено
слишком много знать о делах
Библиариума.

Библиариум Санкторум действительно
действовал среди Кровавых Воронов с
необыкновенной и

хорошо охраняемой секретностью,
практически как если бы он был
самостоятельной организацией, и

Габриэль часто задумывался, был ли этот
столь исключительный статус в ордене
его отличительной

чертой, или обычной практикой,
произрастающей из строк Кодекса
Астартес. Он знал, что Библиариум

Санкторум содержал даже собственные
ранги -- так называемые ступени --
включая трачный и

элитный орден под названием Псайкана.

Но даже магистры ордена не поднимали
этот вопрос,

возможно потому, что большинство из
них сами были библиариями. В который
раз образ Азари

Виды возник в его разуме, и Габриэль
осознал, насколько двойственным было
наследие, оставленное

Кровавым Вороном Великим Отцом.

Все, что он знал о методиках
документирования библиариев исходило из
его собственных

наблюдений -- библиарии и их писцы
записывали любые события и собственные
впечатления, которые

могли бы оказаться значительными для
самых Кровавых Воронов или расширения
познаний.

Затем каждая боевая баржа и ударный
крейсер при первой же встрече с «Относ
Арканут» отправляли

копии записей в великий библиариум на ее
борту, дабы гарантировать, что
легендарное главное

хранилище всегда будет содержать полное собрание знаний ордена. Знания были наиболее ценны,

когда становились активати всего ордена, а не размышлениями отдельных личностей. Знание -- сила,

подумал Габриэль, перевернув еще несколько страниц.

Тартарусский полковник Бром жаловался на поведение Габриэля во время сегодняшней битвы за

Магна Бонум. Он сделал серию намеков на пристрастие Кровавых Воронов к бомбардировкам,

вытекающее из решения капитана запросить поддержку «Литании Ярости». Действительно, в

результате драгоценный город Брома был сравнен с землей, что, насколько я понимаю, он не особо

оценил. Тем не менее, бомбардировка также сломала зеленокожих, и без нее мы бы могли не

одержать победу, не смотря на триумф у

Южных Брат.

Примечание: необходимо раскрыть источник слухов о третьей роле -- крайне странно, что

подобная информация так быстро распространяется. Это

подразумевает, что где-то в

Империуме существуют
противостоящие нам силы,
преднамеренно распространяющие эти
истории. Данный вопрос требует
срочного внимания.

Габриэль понимает орков куда лучше
Брома, и знает, что они сражаются ради
разрушения, а не за

города. Бром не имел права оспаривать
действия капитана, хотя я понимаю его
незодование -- это

его дом. Я могу только представить, как
отреагировал бы Габриэль, если бы кто-то
другой принял

решение уничтожить Кирену... Но я знаю
каково это, наблюдать как Габриэль
принимает подобное

решение о моем собственном доме. Я был с ним в тот день; я стоял рядом с Габриэлем на

командной палубе «Литании» и смотрел, как сгорает наша планета.

Я не оспаривал решения Габриэля ни тогда, ни сейчас — Кирена была потеряна и жертва должна

была быть принесена во имя Императора. Кровавая жертва. Но, глядя на Брома сегодня, я осознал,

что меня возмущает собственная непричастность к разрушениям. Хотя я и стоял рядом со своим

капитаном, именно он оповестил Ордо Еретикус, и именно он в конце объявил экстерминатус. Как

он неоднократно повторял впоследствии: это была его ответственность, не моя.

Как и у знаний, у ответственности, похоже, тоже есть свои ступени — по крайней мере, в лице и на

примере Вудьи они триумфально объединились. Разве это не должно

послужить несомненным

примером для Кровавых Воронов?
Ответственность должна находиться в
руках наиболее

знающих, ибо знание -- сила.

Дабы меня правильно поняли мои коллеги
из библиариума, если когда-нибудь
прочтут эти записи: я

не утверждаю, что Габриэль был неправ.
Совсем наоборот -- его решение, вероятно,
было

единственно верным. Тем не менее, быть
правым еще ничего не значит, даже орк
может врать от

времени оказываться прав. Это лишь
вероятность, не ересь: если взять
бесконечное количество

невежественных орков, рано или поздно вы
стожете увидеть, как один из них
случайно напишет

«Кодекс Астартес». Но, конечно же, дело
совсем не в том, чтобы написать текст,
стысл в

скрывающейся за ним интенциональности,

и в воле, чтобы впоследствии жить с
этим.

Скучного орка нельзя назвать
ответственным за написание текста, так
как он даже не в

состоянии осознать его значимости.

Другими словами, проблема Императора
Человечества в том, кого он награждает
правом быть

правым, чтобы ответственность за
верные решения лежала на наиболее
способных к их

принятию. Ведь не случайно все наши
величайшие лидеры были
могущественными псайкертами -- сам

Император, наш прародитель, и наш
Великий Отец Азария Вудья. В этих
примерах мы должны

искать образец для разграничения
ответственности.

Понимание необходимо, чтобы нести
ответственность. Хотел бы я знать,
может ли Габриэль

по-настоящему понять значение своего

решения, было ли оно тактически
осмысленным или же
нет. Он действует необдуманно и
инстинктивно — вчера, во время битвы у
насосной станции, он
кричал как одержимый, не замечая даже
собственных ран. Он пренебрегает теми,
кто может

знать больше об этом месте, включая
Брома и меня самого. Он одержим
чувством

ответственности, даже в ущерб знанию.
Возможно, с тактической точки зрения он
был прав

насчет Магна Бонум, но это лишь
случайность.

Я вижу психический шрам Кирены в его
поведении. Но он не в состоянии увидеть
взаимосвязей

между нашим родным миром и этой
наводненной орками планетой. Вчера днем
я слышал

отголоски этих связей в шепоте лесных
теньей, так, словно Тартарус знает о своем

месте в

галактике и о пути, который привел сюда Кровавых Воронов.

Сегодня мои кураторы обнаружили кое-какие интересные материалы, касающиеся истории этой

таинственной планеты. Похоже, какое-то количество Кровавых Воронов уже бывало здесь прежде,

множество лет назад, еще до появления официальных записей об этом мире. Один из этих воинов,

прославленный библиарий Профиус, служил в Караüle Смерти и попал сюда, выполняя задание.

Будучи членом Орго Нсайкана, он старательно записывал данные о своих находках для нашего

великолепного библиариұта, но вполне вероятно также, что эти отчеты были отредактированы

Орго Ксенос. Я направил в Нсайкана зашифрованный запрос с просьбой предоставить мне копию

записей; скоро она должна прибыть.

Учитывая эту информацию, я не был бы удивлен, обнаружив здесь присутствие Инквизиции и в

наши дни -- у Ордо тоже должны быть записи о том, что произошло на Тартарусе все эти столетия назад.

Застыв от ужаса и не веря глазам, Габриэль перевернул еще несколько страниц.

Мы все боимся того, чего не понимаем -- таково проклятие Кровавых Воронов и обратная сторона

нашей жажды знаний. Но, на самом деле, имеет значение то, как мы противостоям этому страху

-- стараемся ли убежать от него, внушая себе ложную уверенность, или же принимаем свой страх и

используем его, чтобы питать наши поиски все новых вопросов и новых ответов. Это значит, что

лишь в огне неопределенности наши души

могут очиститься и стать совершеннее.

И все же, Габриэль уничтожил древний алтарь, что мы нашли в яме. Возможно, он не видел его

ценности, или, быть может, боялся оскверненной, пропитавшейся кровью сущности алтаря. Но от

него не мог укрыться тот факт, что я понимаю важность этой находки.

Разумеется, я просил

дать мне больше времени для исследований, но получил отказ. Это не дает мне права говорить

подобное, но выглядело все почти как если бы он пытался лишить меня того, что, как он понял, он

не сможет понять. Никакой страсти к исследованиям, как можно было бы ожидать от

доблестного капитана. Похоже, Пратиос был прав, когда решил не толкать Габриэля на

извилистый путь библиария более века назад -- было бы еще хуже, проявляй

подобное отношение

библиарий. Цинично, но, может быть, Габриэль пытается что-то скрыть?

Я видел на алтаре эльдарские руны, перетекающие с грубыми культистскими каракулями, и даже угадал с него древний символ Трераум, или «шторм», но Габриэль ничего не хотел слышать. Даже

когда я привел его к подножию горы Корат, он все еще сомневался в моей мудрости и тактическом

чутье. Я мог слышать психическое эхо его враждебности и сомнений, словно шепот внутри головы.

Но я знал, что эльдарский менгир ждет нас, и моя решимость была непоколебима. Сами проклятые

эльдары на тот момент все еще не добрались до коратского перевала, так что Габриэль был

вынужден признать истинность моих знаний.

Возможно, если бы он послушал меня

раньше, Кораллис не оказался бы столь серьезно ранен. В

результате он оказался не в состоянии помешать мне обследовать менгир, хотя и хотел бы

уничтожить его и двинуться дальше. Он пообещал мне больше времени на изучение этого

артефакта, но я чувствовал, что этот поступок вызван желанием прикурить к со мной, а не

верой в погоню за знанием. Цынами словами, он уступил моей воле из слабости, из страха перед

моими знаниями, страха вызвать мое неудовольствие, и, возможно, даже из страха нарушить свой

долг и тем самым окончательно потерять мое уважение.

Я никогда не думал, что до этого дойдет.

Я не остеливаюсь сказать ему о силе этого места, равно как и о том, как оно нашенывает свои

секреты, избрав меня из рядов нашей роты

как того, кто действительно в силах
понять. Он не

поймет — он не сможет понять, почему не
он сам был избран. И, не понимая, он
уничтожит наш

шанс на присвоение этой великой силы для
Кровавых Воронов. Даже неземные голоса
из глубин

Тартаруса понимают его недостатки;
нет никакой надобности посвящать его.

Осторожно закрыв книгу, Габриэль
отодвинул от стола кресло и повернулся к
продолжавшему

неподвижно стоять в тенях маленькой
комнаты Пратиосу. Смешавшись,
капеллан отступил на полшага

назад, встретив пронзительный взгляд
капитана.

— Когда ты узнал обо всем этом,
капеллан?

— Библиарий Акиос не делился со мной
деталiami, и я не читал всего. Я прочел
лишь достаточно, чтобы

понять, что этот тол следует передать

тебе, и я его передал, как только с этим
все стало ясно.

-- Я не уверен, что это был ответ на мой
вопрос.

-- Усагор пришел ко мне, когда мы вошли в
систему Тартарус, чтобы выразить
некоторые опасения по

поводу твоего... эмоционального
благополучия, -- ответил Пратиос,
деликатно подбирая слова. -- Он

был озабочен тем, что ты так и не
притирился с событиями на Кирене, и
спрашивал, не заметил ли и я
чего-то в этом роде.

-- У?

-- Капитан?

-- У ты заметил что-то в этом роде?

Последовала короткая пауза, за которую
Пратиос понял, что сейчас не время для
деликатности.

-- Да, капитан, я заметил.

-- Понятно, -- просто ответил Габриэль,
прекрасно осознавая, что исповедовался у
капеллана

достаточно, чтобы сделать это наблюдение очевидным.

-- Когда Усагор доверил тебе эти записи?

-- Незадолго до того, как мы отправились к храму Даннана, капитан. Но я не имел ни возможности, ни

причин, чтобы открыть эту книгу до... до того, что произошло после тартарусской кампании.

-- Я понимаю, Пратиос. Спасибо. Ты сможешь идти, и быть уверен -- я приму адекватные меры

касательно этих записей. Теперь они в твоих руках, как и должно быть, и это моя ответственность.

Габриэль отвернулся от капеллана и вернулся к книге на столешнице. Он сидел молча, не

притрагиваясь к обложке, пока Пратиос не осознал, что капитан ждет его ухода. Ненужный более, он

слегка поклонился и тихо покинул комнату.

Сегодня прибыло сообщение, которое я

ожигал с «Литании Ярости». Это
оказалось интересно
прочесть. Я должен сделать отсылку к
архиву LS 38.999JCH324.99i на «Омнис
Арканум», где хранится
полный текст записей библиария
Нсайкана Профиуса. Даже тысячелетия
спустя, заметно
насколько скрупулезны были библиариусы
Кровавых Воронов в своих записях, сохраняя
события,
которыми нам стоит гордиться.
Я с удовольствием могу сообщить, что
записи почтенного Профиуса
подтверждают мою
интерпретацию эльдарского текста с
менгира, который мы нашли на вершине
Кората (и который
Габриэль великодушно согласился не
уничтожать до тех пор, пока я его не
исследую), равно как и
мои предчувствия по поводу сил, текущих
сквозь это место.
Судя по всему, Профиус оказался здесь, на

Тартарусе, исполняя обязанности во время
своего

третьего срока службы в Карауле
Смерти. Он пишет, что Инквизиция была
полностью

осведомлена о кровавой истории этой
планеты и что задание истребительной
команды было

связано с присутствием войск эльдар,
которые, по сведениям Орго Ксенос,
намеренно появлялись на

Тартарусе каждые три тысячи лет,
чтобы сразиться с могучим
возрождающимся демоном.

Похоже, что двое Кровавых Воронов были
избраны для этой миссии --
предположительно,

вследствие того, что эльдар, о которых
шла речь, относились к лиру-кораблю
Бьель-Тан (судя по

всему, в конечном итоге в Орго Ксенос
нашлись люди, достаточно осведомленные
о нашем оргене).

Кроме самого Профиуса, возглавить

миссию был направлен знаменитый
капитан Тритос.

С некоторой горечью я вынужден
отметить, что гредноут Тритос
погиб в сражении за Ллүвр

Марр, хотя мои чувства по этому
поводу и окрашены впечатлением от
записей Профиуса, как я
поясню ниже.

Профиус не указывает на источник знаний
Унквизиции касательно деталей
подготовки Бьель-Тана

к этому столкновению, но мы можем
самостоятельно сделать выводы на основе
данных из других
источников.

Необходимо отметить также мою
обеспокоенность касательно наших
контактов с

Унквизицией: инквизитор Том
сегодня сообщил нам с Габриэлем, что
Тритос был первым

Кровавым Вороном, когда-либо
служившим в Караüle Смерти. Он

ничего не упомянул о Профиусе,
который, как мы знаем, дважды
отслужил в Карауле до отправки на
задание в 999.М38. Исходя из
этого, можно предположить три
вещи: во-первых, что инквизитор мог
быть просто плохо
информирован, так как целостность
и подробность наших собственных
записей не могут быть
подвергнуты сомнению, а о качестве
записей Ордо нам ничего не известно;
во-вторых, что
инквизитор был информирован
должным образом, но намеренно
пытался ввести нас в
заблуждение; и в-третьих, что из
доклада доблестного капитана
Тритоса (на котором, должно
быть, и зиждятся познания Тома)
намеренно были исключены данные о
вкладе в Профиуса в
операцию, возможно, из-за презрения к
библиариям вообще, отголоски

которого, похоже, сохранились в некоторых частях нашего органа и по сей день. Сам Тритос не был библиарием, и, возможно, причины необходимости и возможность ведения тщательных записей могли просто ускользнуть от него.

Второй вариант, в свою очередь, порождает новые вопросы: зачем Тому обманывать нас? К

сожалению, у меня недостаточно информации, чтобы ответить на этот вопрос, но я все же

могу сделать два предположения: первое из них состоит в том, что инквизитор понимает,

насколько хороши записи нашего Библиариум Санкторум (а возможно, даже непосредственно

Ордо Псайкана) и пытается скрыть роль наших библиариев в этом деле, надеясь, что мы не

станем обращаться к своим архивам

и, таким образом, не сможет узнать правду. К сожалению, приняв это объяснение, мы явно переоценили бы Тома (точнее говоря, его осведомленность) и, одновременно, недооценили (его интеллект). Тем не менее, мне пришло в голову, что эта гипотеза отражает широкую распространенность примитивного страха перед библиоариями, что я ранее также заметил и в поведении нашего собственного доблестного капитана.

Возможно, распространенность личностей, пораженных этими пережитническими воззрениями, не ограничивается нашим орденом, но, скорее, характеризует весь Империят в целом? Это приводит меня к мысли о необходимости предпринятия дальнейших действий.

Второе предположение еще более

зловеще, так как предполагает, что в
Инквизиции

существуют силы, которые
сознательно пытаются саботировать
действия Третьей роты

Кровавых Воронов. Оно связано с тем,
что слухи об инциденте на Кирене
каким-то образом

достигли полковника Брома еще до
нашего прибытия. Вне зависимости
от причин, я полагаю,

что магистры ордена должны быть
проинформированы о необходимости
перепроверить наши

контакты в Ордо Ксенос, возможно, с
использованием дезинформации. Нам
стоит начать с

ордена Потерянной Розетты.

Габриэль наморщил лоб и бессознательно
провел лапкою по шраму на щеке, пытаясь
понять смысл

рассуждений Усагора. В них не было
строгой логики, какую он ожидал увидеть
от библиария Кровавых

Воронов, к тому же, к ним оказалась припешана порция паранойи касательно статуса ордена и, в

частности, библиариев. Создавалось впечатление, что разум Усадора полнился страхами и

сомнениями, словно его мысли были отравлены каким-то медленно действующим ядом. Габриэль

впервые задумался над тем, что уничтожение Кирены могло куда сильнее отразиться на Усадоре, чем

на нем самом.

Усадор также милоходом упоминал о голосах, нашенывающих ему истину, и Габриэль знал о путях

библиариев достаточно, чтобы понимать, что это ненормально даже для них. На него понемногу

снизошло озарение по поводу того, что его старый друг, вероятно, сходил с ума. Возможно, коварная

мощь Маледиктума пыталась соблазнить его с момента прибытия на

Сартарус, так же как заточенный
демон на протяжении тысячелетий
окутывал своим медленно сочащимся
колдовством население
всего этого мира.

Что Усагор имел в виду, говоря о связях с
Киреной? Было ясно, что разум псайкеров
более

восприимчивы к порче, чем у тех, кто
лишен пси-способностей, хотя силы
жителей Кирены были только

зарождающимися, не отточенными как у
Усагора. Тем не менее, Габриэль снова
обратил внимание на

тупроть ограничения допуска псайкеров в
командные структуры органа -- с великой
силой приходит

и огромный риск. Вудья был исключением,
лишь подтверждающим правило, но не
примером для

беспрекословного подражания. И, конечно,
никто не мог надеяться подражать
синкретическому

величию Императора, и даже Великого

Отца. В конечном итоге имела значение
обычная человеческая
воля, должна держать даже самые
великолепные силы и способности под
контролем. У каждого
человека есть свой предел. В конце концов,
даже некоторые из примархов оказались
слоблены во
времена Ереси.

Был ли шепот, исполняющий симфонии в
его собственном разуме, голосом демона,
что обращался к

нему как к вестнику лишь несколько дней
назад? Скрывались ли в письменных
разглазольствованиях

Усагора зерна истины?

Почтенный Профиус проводил изыскания
по поводу так называемого «падения»
примарха-циклопа

от учености и психической дисциплины к
запретному и темному искусству
колдовства. Его

комментарии заворачивающе, точны и
оригинальны, и я рекомендовал бы их к

прочтению всем

вступающим в наш Библиариум
Санкторум.

Кажется, что целью этих комментариев
является объяснение его действий на
Тартарусе, но, в

более широком смысле, они призваны
обеспечить идеологическую защиту и
обоснованность

исследовательской работы нашего органа.
Поэтому, как и сейчас, проблема
эффективности и

надежности псайкеров, а также
исследования невидимых или сокрытых
сфер бытия находились в

то время под пристальным вниманием.
От Профуса не укрылась двойная ирония
того факта, что

Империя одновременно нуждается и
презирает могучих псайкеров и
таинственное неземное

знание, которое влечет за собой их сила.
Похоже, что его комментарии были
вдохновлены

заданием в составе Караула Смерти на
Сартарусе, когда представители
Императорского Ордо

Ксенос отправили его с целью завладеть
фрагментом эльдарского Стенающего
Рока для

исследований и потенциального
использования в качестве могучего оружия
в арсенале Империи.

Конечно же, подобные миссии являются
одной из важнейших и интереснейших
задач Караула

Смерти, вследствие чего Кровавые
Вороны имеют честь столь часто
присоединяться к их рядам.

Рассматривая позиции инквизитора
Тота и капитана Ангжелоса во время
нашей текущей миссии,

я поражаюсь отсутствию у них видения и
понимания. Похоже, они не в силах понять
потенциальную ценность того, чтобы
захватить Маледиктум для собственного
использования.

Они, скорее, стремятся уничтожить его.

Они -- недостойные сыны инквизитора
Жоржин и
капитана Тритоса. И, похоже, мне
предназначено сыграть роль их Профиуса,
пусть даже вопреки
слепоте моих братьев, если необходимо.
Дабы то, что я сейчас планирую, не было
ошибочно расценено как предательство, я
должен
представить здесь интерпретацию
комментариев Профиуса для верного
восприятия моих
действий. Затем, прежде чем я
отправляюсь в погоню за истиной, знанием
и силой (как и велят мне
мой долг и призвание), я вверю этот толк
заботам капеллана Пратиоса, так что
Кровавые Вороны
смогут понять мотивы моих действий,
даже если их видение окажется слишком
ограничено,
чтобы их принять. Я молюсь Великому
Отцу и Императору Человечества о том,
чтобы Габриэль не

встал на моем пути и с уважением
относился к моим делам, как полагается
Кровавому Ворону. Если
он поступит иначе, нашему с ним когда-
то несокрушительному братству
окончательно придет конец.

Профиус представляет нам весьма
убедительные комментарии касательно
Никейского Эдикта, до
наших дней ограничивающего свободу
библиариев. Он убедительно доказывает,
что принятие

этого документа было результатом
трусости психически недаренных,
ссылаясь на конкретных

низменно восторжествовавших личностей.
Профиус добыл копию «Гримвар Еретикус»,
в котором

ясно заявляется, что во время того, что
мы называем «Слушанием Тысяч»
присутствовавшие

библиарики попытались покинуть зал,
будучи уstraшены иллевшей место
совершенно реакционной

и наполненной заблуждениями дискуссией.
Другие раскопанные Профиусом записи,
такие как

эпическая баллада «Плач Просперо»,
подразумевают, что определенная
атмосфера зависти и
недоверия к психически огаренным всегда
существовала даже среди сыновей
Императора.

Психически слепые боялись того, что не
могли понять, так же, как они делают
это сегодня.

Профиус лично восстановил запретный
«Том Желчи», якобы написанный лордом-
колдуном

Мордантом Хексом. По слухам, «Том»
был найден брошенным в Реклюзиуме
Эциатнун после того,

как отшельники этого тихого мирка
оказались вырезаны силами костических
гесантников,

искавших скрытый портал Паутины,
могущий привести к великим учебным
залам Черной

Библиотеки. В его волнующем тексте указывается, что притарх-циклон на самом деле никогда не терял веры в Императора, и что его преследование и изгнание от света своего отца были вызваны лишь интригами и ревностью меньших братьев.

Так слабые разумом и просто дураки посеяли семена недоверия к психическим силам, продолжающие давать всходы и по сей день, обратив отношение Императора к этим великим истинам в не более

чем страх, зависть и невежество. Если бы Император направил свою веру на высшее знание вместо

грубой силы, галактика могла бы быть спасена от ужасов последующих войн. Знание — сила, но

даже во времена Императора на обладавших знанием и силой низкие люди смотрели с подозрением.

Так же происходит и сейчас, со мной.

Габриэля возмущает мое превосходство, он
стремится не

допустить моего восхождения до уровней,
которые он сам никогда не поймет. В
отсутствие

возможности узнать являются ли эти
вершины священными или еретическими,
страх заставляет

его мешать мне. Его недостатки
преследуют его, словно души тех, кого он
вырезал на Кирене.

Другими словами, это страх перед
неизвестным, а не любовь к знаниям,
которые он жаждет

контролировать и уничтожать. Вот
почему Азария Вудья должен быть
примером для Кровавых

Воронов -- как и Магнус (даже более, чем
сам Император, ибо он, в конце концов,
склонился под

давлением невежественных дураков),
Вудья олицетворяет единство знания и
силы. Как это было

при нем, так должно быть и сейчас.

библиари и должны руководить Кровавыми
Воронами -- я

должен быть тем, кто возьмет на себя
ответственность за наши действия, не
Габриэль.

Габриэль -- близорукий дурак, чей слабый
ум запутался в обязанностях, которые он
не может ни

понять, ни тем более, осознать.

Не отличаясь от несправедливо
проклятого Просперо, Кирена была
планетой с широким

распространением зарождающихся
псайкеров и колдовских сообществ. Она
была местом чудес. Но

вместо того, чтобы, используя свою силу,
спасти людей своего родного мира и
знание, которое они

берегли, Габриэль отреагировал на
произошедшее со страхом и отвращением,
вызвав

экстерминатус и сровняв планету с
землей. У него не оказалось мужества
встать на защиту

истины, которую даже Император не смог
понять и пригнаться с ней. Возможно ли
осознавать

большую глупость, неспособность и
безответственность? Если бы он оказался
готов уплатить цену

отлучения во имя истины, он должен был
бы смириться с клеймом еретика и
предателя. Но ему не
хватило прозорливости.

В отличие от этого близорукого глупца я
хочу быть непонятым -- на самом деле, я и
сейчас уже иду

к этому. Но знание -- сила, и я должен
защищать его.

В словах Усагора начала
проявляться некая логика и
разумность, но она жгла глаза Габриэля,
пока

он читал. Он ощущал в тексте какую-то
глубокую неправильность, словно тот
причинял физическую

боль. Хуже того, ему пришлось напрячь
все свои силы, чтобы попытаться понять,

где же в

аргументации Усадора затаилась ошибка.
Подобно речи Магнуса во время
знаменитого Слушания

Тысяч, сведения о котором заучивали все
Кровавые Вороны, поднявшиеся до
командных должностей,

слова Усадора были красноречивы и
убедительны, но не обязательно
соответствовали истине.

Существовало важное различие между
тем, чтобы убеждать других в
истинности своего знания и тем,

чтобы действительно обладать силой
знания истины. Интуитивное понимание
этого различия было

одной из тех вещей, которыми учились все
командиры Кровавых Воронов, и Габриэль
мог чувствовать

признаки маскирующего правду утлого
убеждения в словах Усадора.

Оттолкнув от себя книгу, словно она
своим присутствием мешала ясности его
мышления, Габриэль

откинулся в кресле и закрыл глаза. Он сконцентрировался, пытаясь вспомнить, что ему рассказывали о

событиях из записей Профиуса, о которых писал Усагор. Умелые речи Усагора оказались столь

прилипчивы, что ему потребовалось несколько минут на то, чтобы очистить от них голову и вспомнить

то, что он принимал как абсолютную истину каким-то часом ранее. Но даже тогда ужас от богохульств

Усагора касательно личности Императора продолжал таиться в темных уголках его разума. Никогда

ранее ему не приходилось слышать, чтобы кого-либо остелился высказать подобные мысли, и,

впервые в жизни, он подумал, что мог бы понять, уловить отблеск того, каково это — жить в ужасные

дни Ереси.

На самом деле, вспомнил Габриэль, Слушание Тысяч, как было сказано в

архивах Кровавых Воронов,

стало восприниматься как законный и справедливый суд, касающийся применения психических сил и

колдовства. Одна сторона утверждала, что ни одна из разновидностей знания сама по себе не является

злом, и проблема состоит лишь в том, как это знание будет использовано. То была защита права на

изучения и исследования в области колдовских искусств, подкрепленная утверждением, что некоторые

из костических десантников более чем способны приручить это знание на благо Империи. Логика

утверждала, что лишить легионы такого ресурса, значит лишить Империум его величайших сил. В

«Апокрифах Хайдайса» высказывалось предположение, что вариант девиза, который впоследствии

стал максимой Кровавых Воронов, «знание — сила, и мы неустанно должны искать

его», использовался

во время Слушания, хотя его происхождение и не было установлено.

Противная сторона во время спора настаивала, что психические силы нестабильны, и, вследствие этого, не каждый одаренный может также проявить силу воли, необходимую, чтобы должным образом

контролировать их, а также, что их использование должно жестко регламентироваться и ограничиваться.

Библиари и десантники Кровавых Воронов вновь и вновь обсуждали этот спор, пытаясь понять

значение и смысл различных его вероятных исходов, а также реальный исторический исход, имевший

место тысячелетия назад. Спор был частью их наследия и важной проблемой самой основы их

самоидентификации -- во время гипнокондиционирования в сознание всех

Кровавых Воронов

внедрялись отдельные элементы этой дискуссии.

Согласно «Равоникүм Рөкс», древнему, и, возможно, апокрифическому тексту, хранящемуся под

охраной в секретнейших хранилищах Библиариүм Санкторүм на борту «Омнис Арканүм», в рядах

Собора Тысяч были и те, кто искал компромисс, видя достоинства позиций обеих сторон

неразрешенного спора. Соответствующие отрывки «Равоникүма» продолжали горячо обсуждаться

среди Кровавых Воронов, несмотря на таинственность их происхождения. Сам Видья оставил отсылки к

этим фрагментам в своем классическом труде, «Накс Нсайкана». Текст Видьи натекал на

существование полной копии «Равоникүма», исчезнувшей во время нападения эльдарских арлекинов

на Куараб.

Обдумав общеизвестные в его органе факты, Габриэль наконец осознал, где крылась критическая

ошибка аргументации Усагора: она строилась на отвержении Императора. Для Усагора существовал

уровень знания и истины, не только затмевающий личность самого Императора, но даже

превосходящий Его понимание. Следовательно, аргументация Усагора строилась на утверждении, что

он не только равен, но и превосходит Императора. То была худшая разновидность ереси.

Кроме того, точка зрения Усагора обесценивала функции мудрости, законности и долга перед

Империей. Другими словами, он игнорировал вопрос ответственности. Усагор пренебрег

возможностью того, что Император полностью сознавал, каких сил лишает

своих детей, но высшая

түгсүрүктүк подсказала ему, что даже
разумы примархов лишены надежды
выдержать столь ужасающее
давление и испытание.

Что же говорить о разумах библиариев,
костических десантников или обычных
людей? Перед законом

не может быть исключений, и потому
Никейский Эдикт был обнародован во благо
всего Империи,

дабы не дозволить слабым причинить себе
вред, и, вместе с ними, остальным -- всем
подданным

Империи, включая и тех, кто мог быть
достаточно силен, чтобы справиться с
этим -- было запрещено

заниматься определенными областями
знаний. Для примархов и легионов стало
вопросом долга и

ответственности принять Эдикт в
качестве закона. Не подчиниться, даже во
имя величайшего знания,

значило подорвать саму основу

Императору.

-- Долг прежде всего, -- прошептал самому себе Габриэль.

В отличие от других орденских гесантов, подумал он, мысленно возвращаясь к кричащим лицам Кирены, все продолжавшим преследовать его во снах, у Кровавых Воронов была особая

причина, чтобы принять этот трюизм. Именно поэтому магистры всегда настаивали на смене гесантников и библиариев в командной структуре ордена.

-- Я исполнял свой долг, -- пробормотал он. Кровавые Вороны не стремились спасти свой порченный родной мир посредством обретения великой

силы. Мы очистили его во имя Великого Отца и Императора, так же, как и Тартарус.

Возможно, мы могли бы использовать врожденную силу зарождающихся псайкеро-и мутантов,

взрастив их в могучих воинов, как, согласно легендам, это однажды произошло на Просперио. Но это

было бы извращением, ересью: неустовымые знание и сила, поставленные превыше всего.

Действовать таким образом значило бы нарушить свой долг. Это было бы неправильно.

— Знание есть сила, и его должно защищать; мудрость и долг должны уважать. Я экстерминировал свой

родной мир — родной мир Усадора и самого Великого Отца. И я сделал это из искреннего чувства

долга. Вот почему императорский Астрономикон наполняет мой разум, подтверждая мое право на

место подле Вудьи сверкающими голосами среброгласного хора. Я исполнил их волю, не собственную.

Вернувшись к последней странице записей Усадора, Габриэль взглянул на слова, что так устрешили его

всего несколько часов назад:

Глупец Габриэль понятия не имеет что происходит на этой благословенной планете. Он думает,

что следует опасаться навигирующего шторма и что найденный нами артефакт должен быть

уничтожен. Слепец. Чего нам будет стоить его глупость? Как далеко я могу позволить этому зайти?

Даже если другие не могут, я вижу танию в его глазах и знаю секреты голосов, которые он

скрывает от нас, тех голосов, что поют в его душе под маской божественного хора. Ему не скрыть

от меня их серебряных голосов. Я тоже их слышу, но знаю их природу и знаю, что Император не

благословлял их. В этом и состоит разница между мной и моим старым другом: я вижу разницу

между ложью и правдой, моя душа была

закалена и проверенна тайными огнями
великого

Библиариум Санкторум; и все же
нагменный, невежественный капитан
ведет нашу роту к

ошибкам и скудоумию.

Читая эти слова вновь, Габриэль не мог
снова не почувствовать ужас перед их
силой. Он был уверен,

что Усагор сошел с ума, его праведный
разум не устоял перед соблазнительным
шепотом демонов,

собственным тщеславием и обещаниями
тайного знания. И все же, Габриэль мог
чувствовать зерна

истины и проблески света, растворенные
между строк противоречивого текста.

Пока он смотрел на страницу, в памяти
вспыхнуло видение демона, вырвавшегося из
Маледиктума на

Тартарусе. Демон настехался над ним,
говоря о благодарности, называя своим
вестником, а не

победителем, словно руководил всеми

действиями капитана, будто тот был
какой-то марионеткой. И,
словно соревнуясь с демоном в насмешках
над слабостью его воли, в разум вонзились
мысли

провидицы эльгар. А затем появились
кричащие лица Кирены, сливающиеся и
кружащиеся в его сне

наяву, словно сквозь мозг протягивали
колючую проволоку. Каким-то образом
Габриэль знал, что

Усагор, вероятно, был прав, говоря о
важных связях между преследующими его
видениями, смысл

которых он сам не мог ни понять, ни даже
мысленно допустить, чтобы это мог
сделать кто-то еще.

Несмотря ни на что, Габриэль понял, что
хотел бы, чтобы Усагор по-прежнему был
рядом.

С решительным кивком Габриэль
вытащил из кобуры пистолет и
тщательно прицелился. Выпущенный
болт прошел точно через кабель,

поддерживающий висевшую над столом светосферу. Он смотрел, как сфера падает, словно в замедленной съемке, наблюдая за сложным танцем элементов накала и то

появлявшихся, то исчезающих языков пламени внутри. Затем сфера обрушилась на книгу Усадора

взрывом стекла и топлива. На долю секунды комната погрузилась во тьму, но после остаточная искра

воспламенила горючее, и книгу поглотило пламя.

Смотря, как сложные и опасные записи превращаются в пепел, Габриэль наблюдал за пламенем,

позволив взгляду остановиться; его разум продолжал обдумывать все, что он только что прочел. Затем,

когда огонь стал угасать, его разум также начал успокаиваться. С изысканной выверенностью и

металлической прохладой запел далекий одинокий голос. Несколько секунд спустя

голос,

отражающийся эхом и резонирующий в голове, словно отражение звезды, стал единственным, что он

мог видеть и слышать. Постепенно к первому голосу присоединились другие, наполняя разум лучами

звездного света до тех пор, пока голова капитана, как ему показалось, не вместила в себя целую

галактику. Перед его взором мелькали устрашающие видения, окрашенные красным, и Габриэль

осознавал, что голоса таинственного хора пропитаны кровью и смертью. Он не знал, что это значит, но

понял, что Усадор был прав по крайней мере в одном: он боялся того, чего не понимал.

...